

НИКОЛАС

БЛЕЙК

Николас Блейк
(наст. имя Сесил Дей-Льюис,
1904 – 1972) — знаменитый
британский поэт и критик,
признанный мастер детективного
романа. Ценители «большой»
литературы называют его гением, а
миллионы читателей наслаждаются
детективами, которые он писал
для развлечения. Любимый герой
Блейка — вечно скучающий поэт
Найджел Стрейнджжэйс — истинный
джентльмен, талантливый детектив-
любитель и прекрасный знаток
психологии.

НИКОЛАС

БЛЕЙК

ТРЕБУЮТСЯ
ДОКАЗАТЕЛЬСТВА

БРЕННА ЗЕМНАЯ
ПЛОТЬ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4
ББК 84 (4Вел)-44
Б68

Серия «Золотой век английского детектива»

Nicholas Blake

A QUESTION OF PROOF
THOU SHELL OF DEATH

Перевод с английского *Н.А. Анастасьева*

Серийное оформление *В.Е. Половцева*

Печатается с разрешения наследников автора и литературных агентств
Peters, Fraser & Dunlop и The Van Lear Agency LLC.

Блейк, Николас.

Б68 Требуются доказательства. Бренна земная плоть : [сборник] / Николас Блейк ; [пер. с англ. Н. А. Анастасьева]. — Москва : Издательство АСТ, 2015. — 512 с. — (Золотой век английского детектива).

ISBN 978-5-17-089539-7

Во время школьных соревнований в стогу сена находят труп одного из учеников... Молодой учитель Майкл Эванс, оказавшийся под подозрением, просит своего друга Найджела Стрейнджуйса взяться за это дело. И Найджел, опросив всех учеников и преподавателей колледжа, понимает: многие из них что-то скрывают...

Известный летчик Фергюс О'Брайан умирает на устроенном им же рождественском ужине. Первая версия полиции — самоубийство. Но верна ли она? Почти каждый из приглашенных мог иметь злой умысел. Кто-то мечтал заполучить деньги О'Брайана, а кто-то затаил на него смертельную обиду... Какие секреты были у знаменитого аса? Ответ на этот вопрос ищет Найджел Стрейнджуйс...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© Nicholas Blake, 1935, 1936

© Перевод. Н.А. Анастасьев, 2015

ISBN 978-5-17-089539-7 © Издание на русском языке AST Publishers, 2015

ТРЕБУЮТСЯ
ДОКАЗАТЕЛЬСТВА

Посвящается Маргарет

Глава 1

ВХОДИТЕ ПО ОДНОМУ

Место действия — комната в общежитии подготовительной школы для мальчиков Сэдли-Холл. Не из тех хорошо проветриваемых, свежевыкрашенных и чистеньких помещений, что так радуют нынешних зацикленных на науке родителей, а из тех, что своей редкой теснотой и сыростью напоминают скорее купе скорого поезда, в каких, по общему мнению, ездят члены советов Кэмбриджа и Оксфорда, школьные учителя и домашняя прислуга. Время — 12 июня 193... года, семь сорок пять утра. Снаружи доносится невнятный гул — это восемьдесят школьников просыпаются и готовятся к ежедневным занятиям; время от времени гул прерывается сердитыми окриками дежурного преподавателя. Музыкальное сопровождение представлено хоровым пением черного дрозда, дрозда обыкновенного и воробья, визгом газнокосилки, наносящей последние штрихи на Большое поле ввиду намеченных на сегодня празднеств, а также отрывками из «Элегии Патрику Сарсфилду»* в исполнении первого из наших действующих лиц, Майкла Эванса, обращающегося к своему отражению в зеркале. Нижняя часть его лица — не слишком выдающийся под-

* Стихотворение ирландского поэта Джеймса Кларенса Мэнгана. Главный герой — вождь ирландского повстанческого движения конца XVII века, погибший в сражении при Лейдене (1693). — *Здесь и далее примеч. пер.*

бородок и мягкая линия губ — покрыта пеной для бритья; однако брови и тонко вырезанные ноздри, необычной формы темно-голубые глаза, темные волосы, растрепанные, но, по его мнению, производящие некоторый эффект, — все это Майкл разглядывает с обычным скрытым удовлетворением и некоторым удивлением. «Ну что ж, могло быть гораздо хуже, — мысленно обращается он к персонажу в зеркале. — Верно, ты не Рамон Наварро*. Но с другой стороны, и не мышка вроде бедняги Симса или потрепанный Адонис наподобие Гэтсби. Есть стиль и никаких излишеств. В общем, внешность на четверку с плюсом... Но далеко от дома в сырой ты лежишь земле... Черт, проклятое лезвие!.. Зачем, зачем ушел ты, Патрик Сарсфилд?..» Он стряхнул с подбородка оставшиеся ключья пены и вновь заговорил сам с собой: «Сегодня День спорта, надо надеть старый ученический галстук. Не пожалеем усилий, чтобы порадовать родителей: бывшие школьные денечки, альма-матер. Фу, ну и расцветка. Какому безумцу пришло в голову такое сочетание: красное, зеленое и оранжевое? Хорошо хоть краски выцвели. А ведь считается, что эта невероятно длинная полоска шелка — знак респектабельности, пропуск в большое сердце британского среднего класса... Ну почему, почему так бывает: подростки такие славные, веселые, естественные, даже честные и умные, а их родители — да спасет нас Всевышний — такие противные, занудливые, грубые и тупые? Полагаю, дело тут в пагубном воздействии учителей. Н-да, пожалуй, все же не четверка с плюсом, а просто четверка. «Нет, я не Гамлет, не Гамлетом рожден». Да, кстати, чтобы не забыть — надо одолжить пару бутафорских мечей для сцены дуэли с Пятым... Ну а Геро все как будто по душе. Как же она

* Американский актер, звезда «немого» кинематографа (1899–1968).

очаровательна и мила... Фигурою тугая тетива... и чем все это закончится? Завтра она уезжает, и до следующего семестра мы не увидимся. Три месяца, три богом проклятых месяца».

Из этого потока сознания внимательный читатель заключит, что Майкл Эванс чувствителен к цвету; что ему свойственно столь распространенное среди школьных учителей неуважение к родителям в целом; что он хороший учитель; что он обладает некоторым чувством юмора; что он — английский учитель, и при этом учитель продвинутый; и наконец, что он влюблен. К несчастью для Майкла, почти так же высоко ценившего в фактах пристойность, как в идеях — динамитную силу, влюблен он был в жену директора школы. И хотя она отвечала на его любовь со всей самозабвенностью и легкостью своей восторженной природы, он не мог не чувствовать некой неловкости в роли главного действующего лица сюжета, который давно навяз в зубах под пером современных прозаиков и драматургов. Тем более что роман их продолжается уже два месяца, с того памятного и захватывающего дух момента, когда они оказались наедине, а затем неожиданно в объятиях друг друга, где бы вы думали — в пустой аудитории. И ситуация становится для обоих все более и более неловкой. Одну отвращает неизбежная близость с мужем, за которого она вышла — как Геро сама себя уверяла — в очередном приступе рассеянности. Другому, удивленному поначалу тем, что он не испытывает ничего похожего на традиционное чувство вины, но один лишь естественный восторг любви, начинают все больше и больше досаждают неизбежные в таких делах уловки. Беспокоит его также — хотя и восхищает одновременно — беззаботность Геро; кажется, она даже не думает, что их тайна может быть раскрыта, да и возможные последствия такого разоблачения ее не волнуют. Для Майкла-то оно

наверняка обернется катастрофой. Другой работы ему не найти, а иных средств к существованию у него нет. И даже если Персиваль Вэйл согласится на развод — что представляется весьма маловероятным, — Майклу от того не легче. Ибо родителей, пусть даже иные из них сами могут быть хорошо знакомы с бракоразводными процессами, отвращает сама мысль, что чад их обучают соответчики в подобных делах.

С Майклом и Геро мы сегодня днем еще увидимся, причем в обстоятельствах, оказавшихся куда более компрометирующими, нежели они могли предполагать. Поэтому пока оставим их ненадолго, чтобы бросить взгляд на кое-кого из иных главных действующих лиц, заметив лишь под конец, что зеркало Майкла не треснуло, имеющийся у него бюст Данте не разбился, с безоблачного неба не посыпался град, короче говоря, не явилось никаких классических предзнаменований тех ужасных событий, которые вскоре обрушатся на его голову.

Суини, вечно недовольный и расстроенный чем-то дежурный, звонит, сзывая учеников к завтраку, в дребезжащий колокольчик, не подозревая, при каких обстоятельствах ему придется звонить в тот же колокольчик завтра. Шум наверху прекращается. Несколько подзадержавшихся в угрюмом молчании мрачно натягивают на себя верхнюю одежду, в то время как остальные ровной шеренгой спускаются вниз, ибо всем известно, что досточтимый Персиваль Вэйл является большим поклонником внешних проявлений дисциплины. По голому полу четко звучит стук каблуков, а чей-то умоляющий голос взывает к нарушителю, ломающему строй: «Ради всего святого, Симмерс, держи шаг, я не хочу лишиться завтрака». Это учитель физкультуры Эдвард Гриффин. И поскольку, подобно большинству учителей физкультуры, человек этот поистине славный, надо приглядеться к нему поближе. Ему тридцать лет, он высок

и плотен, ходит, слегка раскачиваясь, все выдает в нем человека добродушного, энергичного и пытливого. Это старый оксфордский регбист, склонный по несдержанности нрава то и дело взрываться по поводу всяких шуток, отпускаемых нападающими иных валлийских клубов, с которыми ему приходилось встречаться в юности. В число его достоинств входит также талант флейтиста и подлинный гений импровизатора при игре в шарады. Майкл, ближайший друг Эдварда, заразил его интересом к разного рода патологическим отклонениям, и приобретенные в этой области познания он нередко испытывает на тех из своих коллег, что вызывают у него наименьшую симпатию.

Оставим теперь ненадолго рядовой состав поглощать завтрак и переместимся в частные покои, где досточтимый Персиваль Вэйл вкушает свой в одиночестве, ибо жена заявила, что в предвидении родительского нашествия ей надо подольше поспать. Ему пятьдесят лет, губы тонкие, розовошек, четкая дикция, ясное осознание своего положения в центре упорядоченной маленькой вселенной и полная непримиримость к малейшим сбоям внутри ее. Между собой ученики называют его Педантом Перси, а в пределах его слышимости — просто Перси, ибо давно усвоили, что он не чужд проявлений некоторой лести и получает явное удовольствие от прозвища, если оно употребляется в более уважительной форме. Это отличный педагог классической школы, способный администратор традиционной выучки и — в той же традиции — вполне пристойная, хотя и довольно несимпатичная личность. И в общем-то вызывает сожаление то, что с ним и его микрокосмом скоро произойдут такие неприятности. Но пока даже тень приближающихся событий не падает на его гладкое чело и направленную в рот ложку. Он раздумывает, кого бы из родителей можно заставить раскошелиться на новую спортивную площадку,

есть ли у Анструтера шанс взять верх над Винчестером и в каких словах ему следует выразить неудовольствие Симсом за нарушения дисциплины на уроках французского.

Теперь можно вернуться в общий зал и попробовать уловить отрывки одного-двух разговоров, каковые могут иметь, а могут и не иметь отношения к надвигающимся событиям. Во главе центрального стола сидит Тивертон, старший помощник директора школы; у него неприятный рот, но живые глаза и добродушное выражение лица; каким-то образом он завоевал в учительской репутацию циника — быть может, благодаря мальчишескому пристрастию к острому словцу, которое всегда готов отпустить. По левую и правую руку от него расположились соответственно Гэтсби и Симс, уже фигурировавшие во внутреннем монологе Майкла. Симс — из тех ничем не примечательных персонажей, что тяготеют к образованию так же неудержимо, как ил опускается на дно реки, только расшевелить их гораздо труднее. У него тонкая полоска усов и лошадиные зубы, летние каникулы он проводит на континенте, якобы для того, чтобы усовершенствоваться в языках, хотя, по утверждению Гриффина, цели у него иные, куда более сомнительные. Гэтсби — местный зануда, когда-то он, наверное, был хорош собой, но сейчас, отчасти из-за пристрастия к спиртному, отчасти из-за умственной лени, быстро превращается в развалину. Когда-то он служил в пехотных частях во Франции и сейчас не прочь переиграть былые сражения. Как говорит Тивертон, «он сослужил своей стране кое-какую службу и хочет во что бы то ни стало убедиться, что она об этом не забыла». Неподалеку от этих троих устроились Эванс и Гриффин, а на противоположной стороне стола Сирил Рэнч, явно чем-то недовольный, читает «Дейли хералд». Эстет по манерам, но неисправимый буржуа по природе, в школе он по-

явился недавно, окончив один из второстепенных колледжей Оксфорда.

— Жуткое дело, это убийство в Стэйвли, — громко проговорил Гэтсби, шелестя страницами «Дейли экспресс». — Вижу, суд над этим малым идет к концу. Не устаю повторять, — Майкл сильно надавил под столом Гриффину на ногу, — не устаю повторять: «Тивертон, ты даже представить себе не можешь, на что способны мужчины, когда в деле замешана женщина».

Услышав эту очередную банальность, за коими они были неустанными охотниками, составляя целую коллекцию оных, Гриффин и Эванс дружно и радостно вздохнули. Гэтсби тем временем продолжал, безжалостно терзая присутствующих:

— Возьмите хоть этого типа, как его там, Джонса. Банковский служащий, женатый человек, образцовый семьянин; и вот он вдруг западает на какую-то официантку из бара; покупает в ближайшей аптеке мышьяк; подмешивает его в стакан жене. Что меня поражает, Гриффин, так это железные нервы таких ребят. Помню, в моем взводе...

— Да-да, — поспешно оборвал Гриффин этот словесный поток, — когда мы обнаружим тебя лежащим в луже крови, первым делом поищем у Симса какой-нибудь тупой инструмент. Что-то у нашего Симса опасный блеск в глазах.

Гэтсби громко захохотал, что вызвало кислое замечание со стороны той части стола, где вместе с учителями сидели старшие ученики:

— Старина Гэтти опять язык распустил.

Что касается Симса, то он слегка хрюкнул, довольный, кажется, прозвучавшим предложением:

— Да ну тебя, Гриффин, как это... с чего это мне, собственно, убивать Гэтсби? К слову, у него даже жены нет.